

О, вы еще и курите!

Монблан – это легенда. Взойти на Монблан - это мечта. Наверное, поэтому на Монблан ходят толпы. Каждый начинающий или даже и опытный горновосходитель в какой-то момент чувствует в себе желание пройти по знаменитому снежному ношу вершинного гребня самой высокой горы западной Европы. Видимо, детская привычка сдавать трудные экзамены так до конца и не выветрилась. Попал в этот водоворот альпинизма и я.

Летом 2000 года мы договорились встретиться с моим студенческим другом Левой в Женевском аэропорту. На мою долю, как на долю американского гражданина, выпало арендовать колеса, переехать во французскую часть Женевского аэропорта и подобрать там Левку вместе со всем его снаряжением. Лев, будучи гражданином России, визы в Швейцарию не имел, но зато имел визу в Шенген, так что хоть через Францию, но добраться до Шамони мог. География Альп в этих местах переплелась с историей человечества таким образом, что из французской части Женевы во французский городок Шамони кратчайшая дорога пролегает по автобану через Швейцарию. Занимает та дорога всего-то чуть меньше, чем два часа. Однако, надо помнить, что тогда на дворе стоял 2000 и с «Шенгеновскими» визами в Швейцарию не впускали. Получение Швейцарской же визы было отдельным, очень трудоемким и не всегда успешным процессом для русских граждан. Легче, имея «Шенген», проехать через Французскую территорию по горным дорогам, в объезд. Ехать приходилось неторопливо, через милые французские городки, и занимало это движение без малого часов шесть в одну сторону. А что делать?

Так и получилось, что к исходу 6-го часа мы втянулись в долину. Впереди сужались высокие горы, впереди был городок Шамони, где нас ждала гостиница, последний цивилизованный приют перед горой. Шамони не даром называют столицей альпинизма. Маленький городок, расположенный в неширокой долине Альп, он окружен 4-х тысячными снежными вершинами с вечными ледниками. Зимой Шамони является центром горнолыжного катания, а в сухое время года служит отправной точкой многочисленных горных или скальных экспедиций. Чуть ли не большее место в местных разновидностях спорта занимают парапланеристы. Эти летающие люди пользуются расположенными на склонах фуникулерами и в летнее время всегда, в любой, не дождливый день можно увидеть в небе не один десяток кружащих людей-птиц. Говорят, что такое обилие опасных видов спорта привело к тому, что в местном городском госпитале подобрался самый хороший коллектив врачей-травматологов, известных на всю Европу. Почему-то я этому верю, хотя, к счастью, проверять не пришлось.

Левке я по-хорошему завидую. Он всегда хотел быть путешественником, сколько я его знал. И всегда был. Худой, жилистый, в темноволосых кудрях и с горящими глазами, учился Лева в институте как все, но при этом находил время, средства и силы проводить в горах все свободное время. Про Леву ходили истории, как правило, все правдивые, и пара таких «легенд» до меня докатилась.

После распада Союза он работал фотографом для передачи «русский экстрим», лазил по тем же горам и по тем же стенкам что и русская сборная по альпинизму, с той только разницей, что он еще и носил на себе тяжелую фототехнику, а не только необходимое для гор и скал снаряжение. В каком-то, по моему, 1998 году их команда стала чемпионами

России по скалолазанию, за проход очень сложной стены в Непале на высоте 6 км. Приезжали они и в Америку – ходили на вершину Мак-Кинли. Как говорил Лева, с Мак-Кинли получилось, что они приехали из Аргентины после восхождения на Аканкагуа (7000м) и сразу перелетели в США, на Аляску. Был май месяц, точнее его конец, и сезон на Мак-Кинли был странный. Много штормов и мало окон для восхождения. Так вот, их группа справилась всего за 10 дней, удивив, своей оперативностью местных егерей парка. До того удивив, что один егерь им не поверил, что они всего за 10 дней сходили туда (на вершину) и обратно. Пришлось показывать фотки.

После Мак-Кинли, Лева с другом добрались и до Калифорнии, где взойти стену Эль-Капитана. Взойти быстро, всего за один световой день, как сказал Лев «по необходимости». Маршрут на эту сложную стену обычно занимает несколько дней, и поэтому егеря парка Есемити требовали, чтобы все скалолазы имели с собой и обязательно пользовались портативными туалетами. Как по умолчанию принято в «русском стиле» туризма, у ребят этого оборудования не было, да и ночевать на стене, пристегнувшись к скале, не хотелось сильно. Так что они торопились, лезли быстро и уложились за один день, благо летом световые дни длинные.

Но вернемся в Шамони. Прохладным утром, наскоро перекусив, мы вышли из гостиницы. Комнату решили не сдавать, а оставить за собой – вернемся через 3 дня, к тому же машину на паркинге гостиницы будет спокойней оставить, чем просто на улице. Подошли к фуникулеру, идущему наверх на высоту 3842м, на гору Агули ди Миди, сели, поехали вверх. С плато Агули есть короткий выход на плато Монблана мимо вершины Монблан Такул, и мы решили им воспользоваться. Тропа по леднику, в это время года уже должна быть пробита другими восходителями, да и уклон на этом варианте маршрута небольшой, так что Лева пошел только с лыжными палочками, не взяв даже ледоруба, хорошо, что взял кошки. У меня подход к снаряжению был другой – все по полной программе – и ледоруб, и кошки на ноги.

Кабина фуникулера была плотно забита туристами, решившими прокатиться на такую высоту и посмотреть на виды. А виды того стоили. По мере подъема городок Шамони уменьшался в размере и значительности, оказывалось, что он окружен зелеными лугами. Луга оказались частью долины, по которой вилась речка и узкая линия дороги. Долина, в свою очередь, стала узкой и зажатой высокими неприступными обрывами гор. А горы по мере подъема обретали снежные ледники, утыканные косынками черно-белых пиков и пирами хребтов. Защищенные от ветра стеклом кабины, мы не чувствовали высоты и падения температуры. Каков же был контраст, когда мы вышли на верхней станции и были встречены в упор потоками ветра, пробивающего сквозь легкую синтетическую рубашку насквозь, как ее и не было.

Наскоро утепившись, включая шапочки и темные очки, мы ретировались с платформы фуникулера и вершины Агули Миди вниз на плато, прямо на снег. Отойдя от станции примерно на километр, но не доходя приюта «космос», стоящего на скале еще в километре к западу от нас, мы нашли ровное и безопасное место под палатку прямо на снегу, прикрывающему ледник. Время еще было раннее, и мы решили сделать тренировочный выход по тропе в сторону Монблана Такул, разведать дорогу, которую

предстояло идти завтра, а так же немного акклиматизироваться. Хотя я слабо верил в возможность акклиматизации на такой высоте, как мы оказались, сразу набрав на фуникулере 3842м над уровнем моря.

Мы прошли по хорошо видимой тропе не более 2 км., как она оборвалась на краю трещины шириной с хороший ручей. Без специального оборудования перебраться через пропасть такой ширины было невозможно. Можно только было облизываться и смотреть на хорошо утоптанное продолжение нужной нам тропы на другом берегу. «Скорее всего это вчерашний или очень недавний разлом, или снежный мост рухнул а егеря еще даже не перебросили мостки. А ведь это основная тропа в районе. Попробуем обойти справа», - сказал Лев.

Мы пошли по снегу направо, и , действительно, через метров триста трещина сузилась и исчезла под снегом. Вместо нее по левой стороне исчезнувшей пропасти стала тянутся невысокая стена бергшрунда. Дав для безопасности зазор между видимым концом трещины и сплошным снегом без проломов, и связавшись веревкой, мы осторожно перешли на другую сторону по снежному мосту. И сразу же уперлись в стену этого бергшрунда, по которой надо было вскарабкаться, чтобы потом, повернуть налево, и снова попытаться вернуться на тропу, с которой мы сошли для обхода трещины. Увы.

Покрытая тонким слоем свежего снега, стена оказалась сделанной из прочного льда аж голубого цвета, такой он был плотный. Наши кошки бессильно скользили при попытке за этот лед зацепиться. Я пошел первым, с ледорубом было легче. После нескольких минут усилий, врубая передние зубья кошек и клюв ледоруба почти по ручку, я смог вскарабкаться на берг. Посетовав на любителей ходить в горы с лыжными палками, я спустил ледоруб Лева, чтобы и он тоже мог залезть. Собравшись наверху стенки, мы прошли несколько метров налево и опять уперлись в трещину, На этот раз уже но все-таки не перепрыгнуть. А также бесконечно длинную – казалась она тянулась в обе стороны насколько глаз видел.

«Все, пошли обратно. Для акклиматизации нам хватит, а этой дорогой до Монблана в этом сезоне мы не дойдем», - постановил Лев. Что ж, с разбегу не получилось. Первую попытку восхождения Монблан отбил еще на подходах. В альпинизме так часто бывает.

Природные обстоятельства ломают планы. Опытный горновосходитель тонко должен чувствовать, когда надо напрячься и пробить ситуацию, а когда пора отступить и подумать.

Проделав все то же самое в обратном направлении («выезжай где въезжал», как говорил мой друг, таксист Санька из Питера), спустившись с голубого льда стены на снег и обойдя трещину, мы вернулись к палатке и нашим брошенным рюкзакам. Спускаться в Шамони было поздно, вечерело и фуникулер уже остановили, или на ночь, или потому, что поднялся ветер. Решено было провести ночь на плато. Есть не хотелось, но мы вскипятили воду и пили чай с лимоном, и болтали.

Ветер к ночи усилился, причем настолько, что сорвал с колышек пристегнутую полу палатки, а когда колышек выдернулся, то мой рюкзак оказался на свободе, чем и не преминул воспользоваться. Хорошо, что я не спал и вовремя заметил. Выскочив из

палатки в ботинках на босу ногу, я догнал рюкзак уже на краю небольшой трещины, в которую его вот-вот бы и сдуло.

А не спал я не просто. Мой организм, который подняли на такую высоту без акклиматизации, просто отказался спать. Есть, впрочем, тоже отказался. Головная боль занимала собой все имеющееся пространство мозга и, казалось, даже входила за границы головы в другие органы. Горная болезнь раскручивала свои колеса, и эти колеса катили по мне волнами мигрени, сдавленным дыханием и болью в костях. Обладающий железным здоровьем Лев, ничего этого не заметил и проспал всю ночь. Промучившись до рассвета и так и не задремав больше чем на полчаса, я разбудил Леву, и мы стали собирать лагерь, готовиться к спуску вниз. Ветер, поднявшийся за ночь, так и не стих. В лицо полетели снеговые метлы, когда мы начали движение обратно вверх, к площадке фуникулера. Подъем против непогоды занял около 40 минут, и облегчение наступило только, когда мы вошли в кабину и оказались под защитой ее толстых стекол.

Спускались мы в облаках. Там, где вчера еще была зеленая, коричневая, красно-синяя долина сегодня не было ничего. Не было ни города Шамони с его туристами, не было реки, окружающих гор в белых ледниках и не было зеленых лугов у их подножия. Кабина фуникулера, казалось, скользила в бездну. Однако в душе возникала легкость. Вместе со спуском, со сбросом высоты, тело начало оживать, и к подножию мы спустились с одной мыслью – еда. Шамони - очень французское место. В смысле поесть. И к тому же поесть вкусно, в этом городе большой выбор. Шторм, который начался еще наверху, к полудню разразился полноценной грозой с молниями и каскадами падающей воды. По улочкам поселка потекли временные речки, но ресторанчики работали, и один из них приютил нас за небольшим столиком, заполненным вкусной едой. Ничто так не поднимает настроения, как теплое место, горячая еда и красное вино сразу после тяжелого куска маршрута. Решение о Монблане было отложено на завтра. А сегодня мы просто завалились в свою комнату и уснули, не до конца раздевшись и даже не приняв душ.

Битому нейдет. Наутро от горной болезни не осталось и следа. До отлета домой было еще несколько дней и, проснувшись довольно рано, мы, не сговариваясь, решили попробовать еще раз. Вчерашняя гроза наглядно объяснила нам, что лучше будет взять обходной маршрут, чем снова рисковать попасть в зону низкого давления на леднике, полном непредсказуемых трещин. Этот обходной маршрут, собственно, и есть основная дорога на вершину, наиболее популярная и проторенная, если можно вообще говорить о проторенности в применении к альпинизму. Начинается она с заброски на высоту почти двух километров на поезде. Поезд на Монблан – это, наверное, самая старая железная дорога в этих местах Европы, существующая еще с 19 века, и поддерживаемая правительством. Больших изменений железнодорожная ветка похоже не переносила давно, и уж точно никаких - в плане дизайна.

Желтые узкие вагончики, под стать самой узкоколейке в одну полосу, были неплотно населены немногими пассажирами. Альпинистов не было вовсе. Видимо, прогноз погоды испугал всех на долгое время. Сначала поезд катился по предгорьям, а потом пошел в гору

все круче и круче набирая угол подъема. Устойчивость и сцепление на таком подъеме обеспечивалось конструкцией пути и паровоза. Паровоз пустил в ход, вместо обычных колес, специальные колеса-шестерни, которые цеплялись зубьями на зубчатую рейку, идущую параллельно основным рельсам. Так, на речной передаче, он и тащил состав в гору, останавливаясь на небольших станциях, где местные крестьяне входили и выходили – кому куда надо. Через 2 часа неторопливого пыхтения поезд подошел к конечной станции Святого Жермена в Бэйнсе. Все. Дальше мы пошли пешком.

Сначала тропа, набирала не круто, мы шли легко и даже иногда болтали о чем-то. Но через несколько километров подъем начался по-настоящему. Скальные выходы, крутые осыпи, которые приходилось траверсировать по крупным камням, в надежде найти тропу на другом краю, там, где ожидаешь. А потом вдруг мы вышли к обрыву тропы, в месте, где она перерезала скальный хребет, уходящий круто наверх по левую руку и так же круто вниз - по правую.

Обрыв был небольшой – всего-то с два человеческих роста, и, подойдя к краю, стало видно, как тропа круто спускается, пересекает узкий каменистый кулуар шириной всего в несколько метров и дальше продолжается на противоположном его берегу, резко забирая вверх.

«Это печально известное место на маршруте», - сказал Лева. «Обходов нет. Нужно перебежать кулуар очень быстро, так как по нему с непредсказуемой частотой катятся камни. Получить куском скалы по голове или по ноге совсем не хочется, угадать, когда она пойдет и пойдет ли, вообще невозможно. Так что спускаемся, прижимаясь с нашей стороны, потом быстро перебегаем за несколько секунд и спокойно поднимаемся на противоположный край.», - словно для иллюстрации его слов, большой обломок скалы и несколько мелких прокатились, слева направо и вниз по ущелью, набирая скорость и подскакивая в воздух от столкновений с дном. Подождав, пока все успокоится, мы быстро, но осторожно спустились вниз, прижимаясь к стене кулуара, а потом по одному, в два-три крупных шага, почти прыжка, перебрались на другую сторону этой каменной реки.

За кулуаром тропа пошла резко вверх и вывела на каменистую стенку, по которой продолжилась крутым серпантинном. Крутым настолько, что приходилось помогать себе руками, чтобы набирать высоту, держать равновесие и не сбиваться с темпа и дыхания. Угол подъема стал очень крутым, кое-где у тропы в скале даже были вбиты железные перила, а в одном месте мои глаза уперлись в веночек из цветов – видимо кто-то когда-то упал и разбился. Впрочем, это мои догадки. Лева, пользуясь своей тренированностью и здоровьем, убежал вперед, вместе с тяжелым рюкзаком и веревкой. «Поднимайся по тропе и не торопись, а я пошел вперед в приют занять нам место в гостинице и койки на ночь», - бросил Левка, уже исчезая за поворотом скалы.

Подъем по тропе у меня занял еще часа три, и когда я, наконец-то, вышел на верхнее плато и вздохнул, мне открылось зрелище, стоящее всех усилий. Перед глазами расстилались альпийские луга, покрытые мелкой зеленой травой, с небольшими пятнами снежников. За лугами, после небольшого подъема на кряже, стоял приют «Тетте Руссе» – одноэтажное вытянутое здание с острой крышей. За ним шла панорама альпийских снежных вершин в разрезах вертикальных неприступных черных стен, от одного взгляда на которые сквозило холодом.

Передохнув и поправив ляжки на рюкзаке, словно корабль, я поплыл через траву альпийского луга, держа курс на хорошо видимый отсюда вход в приют. Часам к 6 вечера я был у входа. В лобби хостеля Лева я на встретил, однако портье показал, как пройти в общую комнату и посоветовал мне проверить в столовой на предмет моего русского друга. Однако я сначала прошел в общую спальню гостиницы, чтобы сбросить рюкзак. Войдя через узкую дверь, осмотрелся. Вдоль длинной стены, изголовьем к стене стоял ряд двухэтажных нар, в каждой нижняя и верхняя койка. Многие были свободны, но многие уже были заняты туристами на вечер. Кто-то спускался с гор, кто-то готовился к восхождению. Здесь встречались все людские потоки, проходящие через эту долину. Снаряжение было разбросано на кроватях, стоял гомон. После простора альпийских лугов воздух в общей комнате был спертый. Я довольно быстро обнаружил Левин рюкзак на одной из нижних полок и бросил свой на пустующую соседнюю. Задерживаться в общей спальне не хотелось, я вышел и пошел в дальний конец здания по коридору в поисках столовой. Лева сидел один за пустым длинным столом и ел суп. Перед ним стояла банка с пивом.

«Присаживайся, дорогой!», - обрадовался Лев. «Рекомендую супчик – он вполне сносный и недорого стоит». И действительно, Лева был прав. Суп был вполне съедобный. Добавив к нему сосиску, продающуюся там же, я хорошо подкрепился. Прелесть Альп в том, что это цивилизованные горы. Сеть хостелей, покрывающих основные маршруты, позволяет путешествовать без больших запасов еды и даже без палатки. Да здравствует цивилизация на высоте почти 4-х км.!

После тяжелого подъема пить хотелось страшно. Я взял чай, а Левка еще пиво и мы сидели и болтали о горах, французах, снаряжении и черте о чем. Потом я достал фляжку с виски и мы сделали пару глотков. «Лев, ты бы не пил пиво с виски», - сказал я. «Алкоголь вреден для высотной акклиматизации, а уж смешивать-то вовсе не рекомендуется.» «Ты прав», - сказал Лева, «но очень хочется».

В это время в столовую вошла пара высоких крепких парней, говоривших на незнакомом языке.

Они подошли к стойке и стали заказывать еду. Один из них посмотрел в нашу сторону, увидел фляжку, банки с пивом, и странно как-то осклабился. Потом локтем подтолкнув приятеля, обратил и его внимание на нашу трапезу. «Лев, они чего просят, им налить что ли?», - спросил я. «Не думаю», - ответил Лев. «По их наречию и внешнему виду похоже, они баски и, если это так, то они относятся к горам на полном серьезе – алкоголь ни-ни». «Это ты про басков придумал или вычитал?», - спросил я. «Да так, друзья рассказали, когда мы по Альпам еще в 90е годы ходили, за что купил, за то и продаю», - ответил Лев. Баски или нет – но смотрели парни на наше питание неодобрительно.

Впрочем, на том все и закончилось.

Солнце закатилось довольно быстро, и стало темно. На плато поднялся ветер. Пора было ложиться спать. Завтра предстоял тяжелый штормовой день. Надо было рано выйти, чтобы успеть взойти на вершину пока снег не подтаял, и пока кошки будут хорошо, не проваливаясь, держаться в фирне. Шум в общей комнате-спальне стал стихать по мере того, как все горновосходители ложились.

Белье решили не брать – постелили на нары свои спальники. Перед тем как окончательно уснуть, как водится, я отправился на поиски туалета. Туалет в хостеле «Тетте Руссе» 2000 года заслуживает отдельной главы, как с точки зрения архитектурной, так и с точки зрения пользовательской. С тех пор, говорят, его переделали и того уже нет.

В конце длинного и тускло освещенного от генератора коридора была дверь, с соответствующей надписью на французском и испанском языках и со значком WC, так чтобы точно было понятно, что за ней. Я толкнул ее и вышел на открытый воздух. Подомной были деревянные мостки балюстрады, ведущие вокруг здания за угол. На углу горела еще одна лампочка, освещающая лестницу-трап, ведущую к прямоугольному деревянному зданию с множеством дверей на фасаде стоящему на леднике, возле обрыва в пропасть. Открыв такую дверцу я оказался в персональной как бы кабинке, длиной несколько метров. Посреди кабинки в глубь уходил металлический желоб, шириной в человека, а в желобе ближе к его концу было сделано отверстие вниз прямо на ледник. Возле дверцы изнутри помещения стояла лыжная палка с широким, как и положено быть у лыжной палки, кольцом для глубокого снега. Из отверстия снизу вверх тянуло холодом, видимо, конструкция создавала тягу, как хороший дымоход в печках. Тяга эта была прямо пропорциональна не только размерам, форме отверстия и наклону желоба, но, видимо, еще и усиливалась штормовым ветром, который гулял по просторам ледника, а в ночное время еще и завывал. Впрочем, разговаривать мне было не с кем. Решив, что я не первый, и что все как-нибудь сработает правильно, я сделал, что надо и, закончив, бросил использованную туалетную бумагу в отверстие. Не тут то было. Тяга снизу немедленно вернула мне мою бумагу всю обратно. И, частично, не только бумагу. Тогда я отошел в начало желоба, почти к дверце, взял лыжную палку (так вот зачем она здесь!) и стал пихать в отверстие и бумагу, и все остальное, что еще оставалось в желобе. Немое кино Чаплина можно было снимать без сценария. Боролся я долго, и попыток было сделано запахать все это в трубу немало. В конце концов, дождавшись затишья в ветре, человек одержал победу над природой. Ура!

Когда я вернулся в общую спальню, в ней было темно, все спали, спал и Левка и даже похрапывал. Впрочем, не он один. В комнате, где спят полсотни незнакомцев, храп - это концерт разных немзыкальных инструментов, настроенных в разных тональностях и, конечно, разной громкости.

Я, помню, долго крутился, болела голова – сказывалась высота, хотя и не так сильно, как в ту ночь на плато Агули, во время нашей первой попытки. Где-то под полночь все-таки уснул. Но не надолго.

Когда меня разбудили шум голосов и свет безабажурной лампочки, бьющий прямо из потолка, прямо в лицо – она оказалась как раз над нашими с Левкой нарами было - три часа ночи. Кто-то сидел на постели и одевался, кто-то складывал снаряжение в рюкзак, кто-то громко втоптывал ногу в застывший за ночь горный ботинок. Народ собирался на восхождение на вершину Монблана. Я растолкал Левку, на сон которого шумы не действовали, видимо, сказывалось вчерашнее употребление смеси виски и пива.

«Лев, нам бы тоже пора собираться. Снег смерзшийся и твердый, и пока фирн держит. А то солнце взойдет, и мы закопаемся по колено в снегу на подъеме»

«А сколько времени?», - спросил Лев практически не открывая рта и, точно, не открывая глаз.

«Три тридцать ночи. Народ собирается вовсю. Надеются застать хороший твердый фирн и быть на вершине раньше всех на сегодня».

«Они сошли с ума. Разбуди меня часиков в шесть, не раньше», - сказал Лева и отвернулся от света.

Меня тоже трясло от недосыпа, так что я возражать не стал, а последовал примеру.

Второй раз меня разбудил уже Левка, взяв за плечо.

«Шура, ну что пойдём на Монблан?»

Я посмотрел на часы – 6 утра. За окном чернота. Молча сев в постели, я стал одеваться.

«Ничего не собирай. Оставляем спальники как они есть – придем свернем. Одевай обвязку под пуховку, связываться друг с другом будем уже на высоте», - сказал Лев.

«Берем один штурмовой рюкзак на двоих, веревку, снаряжение, воду и перекус. И пошли».

Минут через 20 после подъема мы уже выходили на тропу, ведущую от двери приюта наверх, на предвершинное плато Монблана.

Первый резкий и очень бодрящий вздох наполнил легкие пробуждением. Организм встряхнулся, очнувшись от духоты и тепла приюта. Я посмотрел перед собой, потом проследил глазами подъемную тропу, уходящую в темноту. Зрелище было прямо потустороннее. В темноте ночи не горели ни звезды, ни луна. Видимо, высокие облака, последствие прошедшего шторма, закрывали горы. Было темно, но по горе перед нами тянулась цепочка огней, как будто освещенная фонарями узкая витиеватая улочка города, уходящая от подножия приюта прямо в небо. Единственная разница с освещенной улочкой заключалась в том, что улочка эта жила и двигалась, причем двигалась вся сразу и целиком. Понятно, что расстояния между восходившими альпинистами были примерно одинаковые – в несколько шагов, - все шли след в след, по крутому снежному склону, и у всех горели налобные фонарики. Феерическое зрелище!

«Вон они – трехчасовые выходцы», - показал Лева на самую вершину горящей цепочки.

«Пусть себе идут, сейчас будет рассвет, и мы пойдём не хуже». Действительно, начав двигаться с фонариками, мы смогли их погасить где-то минут через 15, так хорошо была видна тропа на снегу.

Поначалу края тропы обрывались в никуда, потом стали угадываться ближайшие отроги, а еще через полчаса в ровном розовом свете начинавшегося дня, видны стали склоны гор, весь подъем на плато, соседние ледники и приют внизу.

Подъем на плато был очень крутым и тяжелым. Угол подъема, по моим ощущениям, колебался от 25 до 40 градусов, тропа из множества набитых ступеней шла в лоб и вверх. Спасибо раннему морозному утру и кошкам, я смог идти не по тропе, а по твердому фирну, в своем темпе по своему серпантину, регулируя дыхание и экономя силы. После 4-х часов изнуряющего подъема, мы оказались выше ледника Буанассье, на полгой вершине Дом-Готьер, на высоте около 4300 метров. Отсюда открывался вид на Монблан, стоявший круто на плато в конце далекого, но, похоже, не очень некрутого набора высоты. Впрочем, до вершины Монблана нам было еще полкилометра по вертикали и Бог знает сколько, по местности. Сделав краткий привал, мы тронулись дальше.

Однако все время по тропе идти не удавалось. Появился встречный трафик из спускавшихся альпинистов, приходилось сходить, уступать дорогу. Иногда дорогу уступали и нам. В один из таких полустопов я обратился к спускавшемуся навстречу мужику, которого я узнал – он был с нами в приюте Руссе прошедшей ночью. «Поздравляю с восхождением! Как быстро вы уже успели туда и обратно». «Никуда я не успел и не взошел. Просто повернул обратно, не дойдя», - ответил он. «А в чем проблема?» спросил я в ответ. Парень на вполне понятном английском с сильным французским акцентом, перебиваясь с дыхания, объяснил: «Ветер. Там на верхнем плато возле приюта Валлот сумасшедший ветер. К началу взлета на Монблан просто не подойти. Метет снег и сбивает с ног. Тропу замело. Куда идти непонятно. Не тратьте силы – поворачивайте обратно отсюда. Завтра обещали хорошую погоду, завтра взойдете»

Завтра-то как раз у нас уже и не было. Как я заметил за годы путешествий и, особенно, занятием, альпинизмом, самолетные билеты всегда находятся в конфликте с погодой. Так что либо сегодня, либо вообще в другой раз. Ветер действительно дул. Но пока шло. У порывах ветер достигал такой силы, что приходилось часто останавливаться, втыкать ледоруб в снег, и переждать порыв, держась за клюв ледоруба и упершись кошками в снег. Через некоторое время, уже пройдя вершину Дом-Готьер, мы решили передохнуть от подъема и, главное, попробовать переждать ветер в приюте Валлот, находящимся прямо у нас на линии движения, немного впереди.

Приют Валлот - это одноэтажная металлическая квадратная комната, расположенная на высоте одного этажа над краем ледника, там где он переходит в скалу хребта. Вход в нее по наружной специальной лестнице, начинающейся прямо со снега и ведущей к площадке-прихожей, откуда открывается дверь в общую комнату. В комнате было уже несколько человек, которые так же, как и мы, спрятались от ветра или просто переводили дух после изнуряющего подъема. С удивлением для себя, я обнаружил у дальней стенки почти в углу комнаты наших вчерашних басков. Видимо, они вышли из приюта вместе с той раннеутренней толпой и теперь застряли в ожидании затишья в ветре и поднятой им поземке. Они сидели на рюкзаках, прислонившись спиной к железным ребрам жесткости стены приюта. У ног одного из них стоял термос, а другой держал в руке бутерброд. Увидев нас севой, ближайший к нам баск улыбнулся, и, повернувшись к приятелю, что-то ему сказал на ухо. Сева тоже заметил наших незнакомцев. «А вот и пара наших утренних побудчиков, вот мы их и догнали», - отметил Лев.

У входа мы сняли кошки, нашли свободное место у стенки и сели прямо на пол, сдернули перчатки, и подняли очки. «Если ветер стихнет, нам отсюда еще часа 4 до вершины, а время всего-то пол-первого», - отметил Сева, посмотрев на часы. Порывы ветра бились в хижину, где-то стучало железо о железо, и казалось, что этот хлипкий домик вот-вот взлетит, а всех нас постигнет участь Элли и ее Тотошки. Мы избавились от ветра, заменив его на грохот и вой, так что сидеть приходилось молча, а если и говорить, то прямо в уши собеседнику. Отпив из фляжек (есть ничего не хотелось, сказывалась высота), и отдохнув где-то минут 40, мы решили попробовать Монблан. «Долго здесь сидеть все равно нет смысла. Горняшка от такого сидения не проходит, а время утекает. Я предлагаю

попробовать штурм и, если нет, то развернемся и пойдем на спуск. Давай только свяжемся, а то дальше по маршруту уже есть места, куда падать», - предложил Лева. «Согласен. Вот только штаны подтяну», - пошутил я.

В связке наше движение было ничуть не медленнее, чем до этого. Мы ползли, часто отдыхая, убрав лицо от ветра, чтобы было легче дышать. Тропы не было видно, но зато был виден Монблан, и под снегом можно было еще угадать расположение основных провалов, которые надо было обходить, так как рисковать переправами через трещины по невидимым снежным мостам вслепую, мы не хотели. Характер снега на высоте изменился. Вместо твердого фирна, он стал рассыпчатым порошком – идеалом и мечтой горнолыжника на каком-нибудь лыжном курорте, но являлся самым нежелательным для альпиниста. При каждом шаге мы проваливались, как говорил Лев, «по аденоиды», при этом расположение этих «аденоидов» было понятно и без слов.

Шли след в след, задний отдыхал, пока передний тропил. Тропить было тяжелее всего, поэтому тропили по очереди, сменяясь через каждые 15-20 минут хода. Однако мы шли! И поворачивать назад необходимости не было.

Большущим подарком природы был момент, когда где-то через полтора часа напряженного хода, ветер вдруг стих. Его просто выключили. Как не было. Небо расчистилось, и из его голубизны засветило прямое солнце. Мне даже стало жаль всех тех людей, которые проснулись в три часа ночи и вынуждены были повернуть обратно, не дождавшись этого момента. Мы остановились передохнуть. Я снял перчатки – становилось жарко от движения и подъема. Перед нами простирался никем не топтанный сегодня первозданный гребень Монблана. Мы были одни. Один на один с Горой, погода вдруг стала великолепная и настроение приподнятое.

«Это очень редко, когда можно на самом популярном маршруте Альп, в середине сезона, быть первым на вершинном гребне, да еще и когда нет никого вокруг», - сказал Лев.

Отдышавшись, пошли дальше. Впрочем, уединенность нашего движения скоро была нарушена. В один из передыхов, после замены лидера я посмотрел назад и увидел две темные точки, быстро нагоняющие нас и идущие по нашей пробитой тропе след в след. Я показал на них рукой. «Похоже на наших баскских друзей», - сказал Лев. По мере подхода к вершине плато сузилось, угол набора стал круче и мы нашли себя идущими по хребту, покрытому снегом. Для безопасности мы шли с его более пологой стороны, не приближаясь к краю на несколько метров. «Край точно висит над пропастью северной стены Монблана. Особенно учитывая какой силы был ветер, он наверняка надул большущий карниз неизвестной ширины, и мне не улыбается обломить его, чтобы улететь вниз вместе с лавиной», - отметил Левка.

Идти стали более осторожно и медленно. Через час хода мы сели передохнуть прямо в снег. Баски почти приблизились. Им оставалась до нас всего метров 50. «Давай подождем и пропустим этих здоровых и молодых лосей вперед», - предложил Лев. «Пусть теперь они нам потропят, а мы легко пойдем по их следам». Сказано, сделано. Лева закурил сигарету в ожидании, когда нас обойдут. Ребята приблизились. Пробурчали приветствие на ломанном английском. Лева ответил им по-русски, а я по-английски. Баски прошли

вперед по нетронутому наклонному снегу с правой стороны гребня шагов двадцать-тридцать и тоже сели отдыхать.

«Посмотри, Шура. Ленивые бугаи. Протропили двадцать метров и уже выдохлись. Сидят и ждут, пока мы пойдем вперед и сделаем за них всю работу по пробивке дороги в снегу и по нахождению безопасной тропы на вершину», - заметил Лев. Погасив бычок в снег, Лева встал – была его очередь идти первым, и мы пошли, точнее, поползли, дальше. Баски посмотрели на нас со странной смесью зависти и восхищения. Мы же обошли сидящих парней и стали набирать высоту, целясь прямо на вершину Монблана. Мне повезло. Последний предвершинный участок тропежки был мой, и хотя я хотел уступить его, Лев отказался. «Я там уже был», - ответил он на мое предложение. Впрочем, в связке это не важно. Оба входят на вершину одновременно.

Откуда силы взялись - непонятно. Только я шел так, как будто не было никакой горной болезни, не было изнуряющего подъема, не было борьбы с ветром и разбитой, почти бессонной ночи. На вершинах гор, как известно, ничего нет. Кроме вершинного маркера, ну и самой вершины. Вершиной называется место, откуда, куда ни пойдешь – всюду пойдешь вниз. Ну, и еще, куда ни посмотришь – все, что увидишь, будет ниже. С высоты 4801 метра чуть ниже нас вокруг были видны снежные Альпы. Много-много еще не пробованных нами вершин, пиков и перевалов между ними.

В изнеможении, взойдя на собственно вершинный бугор, я сел, а потом и вовсе лег на спину. Подошел Лев. Сел рядом. Через минуту-другую – достали флягу и отпили по очереди. Лева вынул пачку сигарет. «Хочешь?» «Да, давай и мне тоже», - согласился я. Ветра почти не было, и мы легко прикурили. В это время подошли баски. Встали рядом. О чем-то между собой поговорили. Вдруг один из парней, отдышавшись, обратился к нам на сильно акцентированном английском:

«О!, Вы еще и курите!»

«Мы еще водку пьем и женщин любим», - ответил Лев.

Я перевел.

Мы сидели на вершине Монблана, курили и были счастливы.

(Oct 2015 Woodside)